

Андреева В. А.

ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ МАРСЕЛЯ ПРУСТА И ИВАНА БУНИНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/2.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 14-15. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

7. Струве П. Б. Л. Толстой // Русские мыслители о Л. Толстом. - Ясная Поляна, 2002.
8. Сувчинский П. П. Знамение былого // Московский журнал. - 1995. - № 3.
9. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. - М., 2005.
10. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 20 томах. - М., 1964. - Т. 15.
11. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 томах. - М., 1984. - Тт. 13, 19, 21, 22.

ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ МАРСЕЛЯ ПРУСТА И ИВАНА БУНИНА

Андреева В. А.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

С движением времени - пунктирно намеченным - придется столкнуться даже самому поверхностному прустовскому читателю - к примеру, тому, кто пожалует собственного времени на чтение эпопеи, но пробежит названия романов - от «поисков утраченного» до «обретенного» времени. Уже из динамики названий можно вывести, что этот поиск разворачивается во многих направлениях и с различной скоростью, порой напоминая медленный полуденный сон («Под сенью девушек в цвету») порой - некую авантюрную погоню («Пленница» - «Беглянка») и, условно говоря, оказывается удачным. Внимательному (и терпеливому) спутнику рассказчика (которого русские комментаторы трогательно пишут с заглавной буквы, как Бога созданного им словесного мира) эта удача покажется сомнительной и, может быть даже иллюзорной (ведь самому Прусту на завершение книги жизненного пространства не хватило), но при ближайшем рассмотрении смысл дара, полученного Марселем проясняется. Дело в том, что в романе изначально существует два летоисчисления. Для одного из них человек, как любое живое существо - дерево или птица - подчиняется природному циклу: смене времен года и вращению земного шара. Внутри этого движения, при всей его неумолимости, остается место бессмертию - и восхитительные «девушки-цветы» превращаются в цветы на собственных могилах, хранящие тайны воспоминаний. С другой стороны, есть способ укрыться от своей природы - светское время («вторники» у Германтов, «среды» у Вердюренов.) В этой условной вечности, где весенние или зимние деревья становятся только симпатичным пейзажем, видом из окна во время завтрака или украшением гостиной (орхидеи у Одетты) и теряется герой. В результате, он превращается из «молодого человека» в «самого старого друга» внезапно - и для себя самого, и для читателя. В финале появляется трагикомический образ «человека на ходулях», который рискует упасть с высоты своих лет. «Обретение» времени становится откровением о зазоре между двумя вечностями, о пустоте утраченной жизни: и будущий «великий писатель» рискует остаться в прошлом только клоуном (даже не очень смешным).

У Бунина внешне сохраняется тот же природный ход времени, но более лирического, внутреннего плана. Его ощущение хода жизни соотносимо с метафорами «серебряного века» («бег времени» - Ахматова («солнечный лес... куда-то убежал...») и «шум времени» (Мандельштам) - шум ветра в ветвях и пр. Таким образом, человеческое измерение времени соразмерно природному (точнее, наоборот природное - человеческому), но при этом оно становится еще более неуловимым.

«Мы вошли в *августовское*, светлое, легкое, уже кое-где желтеющее, веселое и прелестное *царство*» [Бунин 1982: 49] - отмечает юноша Арсеньев, и в поступи этой фразы слышится имя императора Августа - и тут же искажает его сила. «Вечный» Рим оказывается также подвержен тлению, как человек - седине, но только в этом мгновенном промельке и заключается его единственная драгоценность для человека. Вечность отдана одному времени - церковному, но его торжественное течение не совпадает с человеческой жизнью, говорит на другом языке. «Солнечное» детство еще может бессознательно воссоединить небо и землю: так Алеша, не находя других слов, неожиданно называет ночь смерти младшей сестренки «волшебной», а сама маленькая Надя похожа на «нарядную куклу», таинственный подарок на Рождество. Воскресение совершается втайне, помимо человека. Для взрослых слова и времена года навсегда расставлены по местам и, соответственно, все надежды мертвы.

«*Христос воскрес*, - сказал он, подъезжая, с каким-то преувеличенным спокойствием. - Вы в Васильевское? Как нельзя более вовремя. Писарев *приказал долго жить*» [Бунин 1982: 97]. По случаю смерти Писарева, случившейся на Пасху, эти два застывших выражения оживают в своем буквальном и подлинном смысле. Преодолевший смерть, оставивший людям завет воскресения Христос и приказавший «долго жить», т.е. не заметивший собственной гибели Писарев оказываются по разные стороны смерти. «Каюк», вдруг настигший этого Писарева, так и не ставшего писателем, не имеет никакого отношения к Пасхе Христовой. Земное же время бежит, захватывая с собой пространство: «убегает» куда-то «светлый, солнечный лес», убегают под ветром облака, «убегает» за горизонт шоссе, такое же бесплотное и даже воспоминания человека подчиняется только силе этого ветра. Уходит время, уходит сквозь пальцы история, «азиатские» метели скрывают православные колокольни, «Мамай и Митька» разоряют русские деревни - а человек остается все тем же, и остается в одиночестве.

Таким образом, для Бунина в рамках человеческой «условной» вечности оказывается все мироздание и само чувство жизни связано только с ее движением - вечным и смертным.

Список использованной литературы

1. Бунин И. Сочинения в 3-х томах. - М., 1982. - Т. 3: Жизнь Арсеньева. Темные аллеи. Рассказы 1944-1952. - 535 с.

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА В ДИАЛЕКТНЫХ ЗОНАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Араева Л. А., Проскурина А. В.
Кемеровский государственный университет*

В рамках современной лингвистики особую актуальность получает изучение знаковой природы языка через выполняемые им функции по отношению к культуре и сознанию человека. Языковая система, будучи наиболее динамичным и глобальным семиотическим образованием, аккумулирует и транслирует культурную, осмысленную познающим субъектом информацию, источником которой служит многообразие бытия. Категоризуя, систематизируя мир, придавая ему смысловую завершенность, язык «снабжает членов коллектива интуитивным чувством структурности, именно он своей очевидной системностью, своим преображением “открытого” мира реалий в “закрытый” мир имён заставляет людей трактовать как структуры явления такого порядка, структурность которых не является очевидной» [Лотман 2001: 487]. Посредством языкового кодирования, аксиологического по своей сути, мир «подвергается семиотизации - разделяется на области объектов, нечто означающих, символизирующих, т. е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя» [Там же: 216]; «наделяется смыслом и ценностной отмеченностью» [Пелипенко 1998: 8]. Приобретаемая объектами смысловая наполненность обеспечивает их включение в комплекс взаимосвязанных культурно значимых ситуаций, принадлежащих сосуществующим сферам культуры. Следовательно, языковые знаки классифицируются в нашем сознании в те же группы, что и обозначаемые ими культурные реалии: «Ум, чтобы сплотить всю массу разнородных слов в одно стройное целое, располагает связями слов двух порядков: порядка сосуществования (сходство) и порядка последовательности (смежность)» [Крушевский 1998: 146].

Объединение языковых знаков в различного рода группы в системе языка становится возможным за счёт того, что «на словесное “изобразительное полотно” накладывается сеть языковых смыслов, придающих ему неоднородность и глубину» [Шведова 2005: 440]. Зародившись в актах культурно-познавательной деятельности человека, смысл приобретает статус «языковой категории, стоящей на высшей ступени абстракции по отношению к любому языковому значению» [Там же: 435], расчленяющему его на зоны различной устойчивости. Ещё Л. С. Выготский в связи с решением вопроса об отношении мысли к слову указывал на смысл как «динамическое, текучее, сложное образование» и на значение как его «наиболее устойчивую, унифицированную и точную зону» [Выготский 1982: 346]. Однако вслед за Н. Ю. Шведовой необходимо признать одновременную стабильность, консервативность смысла, если учитывать, что «строй смыслов, понятийно скрепляющих всю языковую систему, существует исконно и не меняется ни под влиянием социальных перемен, ни в результате изменений в значениях слов» [Шведова 2005: 436]. Можно допустить, что, с одной стороны, сам набор смыслов, связанных языковыми средствами (в концепции Н. Ю. Шведовой местоимениями) в систему, постоянен, устойчив («где - место», «кто - существо одушевлённое», «когда - время», «сколько - количество», «бытие - небытие»), но с другой - эти смыслы находятся в отношениях взаимодействия, контаминации, взаимной зависимости: «это не просто соположение, а отношение порождающего и порождаемого» [Там же: 430]; «смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, п. ч. предшествующие содержатся в последующем или его модифицируют» [Выготский 1982: 349]. Становится очевидным, что язык выполняет одну из основных своих функций - выражает связанность, сочленённость всего существующего в мире, на что в свое время указывал В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 2001], - посредством заключённого в собственном пространстве смыслопорождающего потенциала, реализующегося через устремлённость смыслов отразить динамику, ход поэтапно развивающихся событий. Поэтому нельзя не согласиться с определением смысла, данным Г. П. Щедровицким: «смысл - общая соотнесённость и связь всех относящихся к ситуации явлений» [Щедровицкий 1974: 96], который получает объективацию с помощью разноуровневых языковых единиц.

В репертуар средств выражения языковых смыслов необходимо включить ресурсы словообразования, занимающего межуровневое положение в языковой системе. Результативная связь словообразовательного уровня с другими языковыми уровнями (лексическим, морфологическим, синтаксическим) позволяет вскрыть и описать смысловой строй языка, спаянный из значений лексических, грамматических и словообразовательных, пропозициональных по своей сути. В границах словообразовательных единиц (в т. ч. и словообразовательного типа), представляющих модели типизированных отношений человека и мира, происходят процессы порождения смыслов, их взаимодействия, протекающие в разных направлениях и формирующие не изолированные друг от друга смысловые пространства.

В словообразовательном типе «С+-ИН(а)» (далее - СТ «С+-ИН(а)»), изучаемом в аспекте функционирования в русских говорах, на уровне его мотивирующего пространства можно выявить набор языковых смыслов, получающих реальное воплощение через мотивирующие единицы: «объект», «место», «время», «результат», «средство». Каждый из перечисленных смыслов обладает способностью порождать, прогнозировать иные смыслы, образуя смысловые пространства. Очевидно, что мотиваторы как носители, актуализаторы смыслового потенциала оказываются заряженными «всегдашней способностью к бесконечному разви-